

УДК 008

О салоне как пространстве становления «новой» публичной сферы во Франции XVIII века

Гурьянова Мария Вячеславовна

Аспирант,
кафедра истории и теории мировой культуры,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: Mariya_Gur'yanova@mail.ru

Аннотация

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть французский салон как средство формирования новой публичности, свойственной буржуазии, пришедшей на смену аристократическому этосу придворного общества. Салон оказывается культурным феноменом, в рамках которого вместо вестиментарной репрезентации как основного «переднего плана» в обществе Старого режима формируются новые инструменты идентификации индивида в общественном пространстве, проявляемые в практиках владения словом, которые и оттачиваются в рамках салона, который из пространства приятного времяпрепровождения, альтернативного двору, вырастает в поле критической рациональности, противопоставленной и от него не зависимой. В связи с тем, что салон первоначально выступал в качестве альтернативы двору, он начал существовать как форма досуга, причастная частной сфере, что, с одной стороны, обуславливало тот факт, что первыми салонами руководили преимущественно женщины, которые тесным образом ассоциировались с частной сферой. С другой, «частное» пространство салона способствовало выработке средств идентификации индивида, отличных от существовавших в рамках публичной репрезентации двора. Таким образом, владение словом, оттачиваемое в салоне, как новая форма социального проявления индивидуальности становится одним из основных средств идентификации индивида в буржуазном обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Гурьянова М.В. О салоне как пространстве становления «новой» публичной сферы во Франции XVIII века // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 4А. С. 33-38.

Ключевые слова

Салон, публичная сфера, частная сфера, идентичность, буржуазия.

Введение

Становление «новой», аутентичной публичной сферы, более не синонимичной государству или власти предрержащей фигуре, своим присутствием аккумулировавшей ее вокруг себя, как было, согласно Ю. Хабермасу [Habermas 1989, 13, 18], начиная со Средневековья, а характеризовавшейся «публичным использованием разума частными лицами» [Ibidem, 27], имеет своим истоком частную сферу в смысле ее невовлеченности и противопоставления государству.

Д. Гудман, перефразируя таблицу, которую приводит Ю. Хабермас, так описывает вводимые мыслителем отношения между публичной и частной сферами: «Существуют, таким образом, две публичные сферы: неаутентичная публичная сфера государственной власти и аутентичная сфера частных людей, собирающаяся вместе как общественность посредством публичного использования их разума. Более того, последняя еще подразделяется на три составляющих, развивающихся в соответствующем порядке: рынок культурных предметов; Республика писем с ее институциями интеллектуальной коммуникации; публичная сфера в области политики. Кроме того, частное пространство, частью которой является аутентичная публичная сфера, следует отличать от внутренней частной сферы, характеризующейся, в свою очередь, гражданским обществом, связанным с производством и обменом предметов потребления и с буржуазной семьей» [Goodman 1992, 5-6].

Таким образом, салонная культура как институциональная база [Goodman, 1989, 329] Республики писем произрастала из частной сферы, определяемой через противопоставление государственной власти и в некотором смысле и двору, который ее воплощал. Организация салонов в качестве альтернативы двора дамами, в придворной жизни не участвующими, лишь подтверждает статус салонов в качестве проявлений частной жизни общества.

Салоны XVII в. как центр словесной культуры

Стоит отметить, что первые салоны, являясь собранием того же аристократического общества, однако за пределами двора, скорее представляли собой, как утверждает Д. Гудман, одну из форм досуга [Ibidem, 338], чем поле развития критической мысли, продолжая основываться, как отмечает Ю. Хабермас в отношении Отеля Рамбуйе, считающимся одним из первых салонов, на придворной «учтивости» («*honnitete*») [Habermas 1989, 31], не позволяющей проявиться критической рациональности как отличительной черте аутентичной публичной сферы. Тем не менее салон XVII в. заложил основы, способствовавшие функционированию такового в XVIII в. как институциональной базы Республики писем.

Становление салонов в качестве центров словесной культуры постепенно переносило акцент с господствовавшей при дворе визуальной репрезентации личности посредством внешнего вида и манер на словесную, где именно речь, остроумие, таланты, высказывавшие тонкость и глубину ума, становились «входным билетом» в формировавшихся в таких салонах «элитах». Как отмечала Х. Арендт, «салоны стали местом встреч для тех, кто учился представлять себя через разговор... здесь буржуа учился показывать себя» [Цит. по: Успенская, 2002, www]. Словесные портреты, пик популярности которых приходился на начало и середину 1600-х гг. [Неклюдова, 2008, 206-209], как раз выражали процесс становления слова в качестве

нового средства идентичности, где посредством описания внешних черт облика и характера осуществлялась своего рода «транскрипция» господствующего в аристократической культуре визуального кода в словесный. В салоне мадам де Рамбуйе даже стремились реформировать непосредственно французский язык, который полагали грубым, в связи с чем наиболее почетными гостями, как указывает В.И. Успенская, признавались члены Французской академии, получавшие в стенах салона полную поддержку своей работы по реконструкции языка [Успенская, 2002, www]. Но стоит отметить, что салонная культура в XVII в. тем не менее еще не формировала обособленного от придворного общества пространства, являясь своего рода медиатором между буржуазной сферой и двором, подготавливая кадры новой аристократии – «дворянства мантии».

Описывая салон мадам де Рамбуйе, Э. Мань указывает на то, что «после 1627 г. во дворце стали принимать нескольких молодых людей, отличавшихся острым языком и элегантно-фривольным пером. Среди них можно назвать Антуана де Грамона, графа де Гиша, который впоследствии станет маршалом Франции; Антуана Годо – мелкого буржуа, уродливого коротышку, ставшего потом, по назначению кардинала Ришелье, епископом; Симона Арно и Пьера-Изаака д'Арно де Корбевиля – офицеров карабинерского полка. Эта четверка пустоватых и ветреных юнцов, отдававших все свое время какой угодно ерунде и любовным интрижкам, непрерывно сыпала остротами: они неустанно хохотали сами и вызывали радостный смех вокруг» [Мань, 2002, 260]. Данный отрывок обнаруживает иную ипостась салонов XVII в., существовавших и как средство экспансии аристократического этоса среди поднимающейся буржуазии, и как альтернативная придворному обществу форма досуга, где развлечение и приятное времяпрепровождение являются основным корнем собраний, где ценность владения словом выступала пока еще не в качестве средства критической аргументации, а как инструмент введения беседы, основанной не на строгом этикете, свойственном придворному пространству, а на проявлении индивидуальности через слово, делающей «первые шаги» именно через остроты, приводящие в восторг своей новизной придворную публику.

Роль салона XVIII в. в формировании критической рациональности

Салоны XVIII в., в частности под руководством мадам Жофрен, мадемуазель Леспинас и мадам Неккер, представляли собой уже иную модель общественных собраний, которые, наряду с английскими *coffee-houses* и немецкими *Tischgesellschaften*, являлись «аполитичным... тренировочным полем для критической общественной рефлексии», выступая в качестве «переходного элемента между разрушающейся придворной публичностью и формирующейся новой – буржуазной публичной сферой» [Habermas, 1989, 29-30]. Такая преемственность в образовании аутентичной публичной сферы, по мнению Ю. Хабермаса, представляется существенной, так как посредством ее буржуазный авангард образованного среднего класса учился искусству критически-рациональных публичных дискуссий через контакт с «высшим светом». Одно из основных отличий от салонов XVII в. состояло в том, что социальная мобильность, вытекавшая из такого рода контактов, способствовала не проникновению в мир старой аристократии, а образованию публичного пространства Республики Писем как центра критицизма сперва литературного порядка, а затем и политического, приводя к равенству между образованными людьми аристократического общества и интеллектуалами из среды буржуазии. Дискурсивное поле как пространство такого уравнивания способствовало становлению языка и

владению словом как своего рода новым «передним планом» в терминологии И. Гофмана [Гофман, 2000], посредством которого индивид, а точнее мужчина, стал идентифицироваться в обществе.

Несмотря на то, что салоны, можно сказать, являлись порождением женской культуры, что вызывало возмущение в лице Ж.-Ж. Руссо, полагавшего, что, «не имея возможности самим стать мужчинами, женщины так превращают нас в женщин» [Руссо, 1981, 147], последние в салоне не стремились проявить свои таланты и идентичность (в отличие от английских салонов, где женщины стремились проявить свою индивидуальность в литературном творчестве или дискуссии [Успенская, 2002, www; Eger, 2010]), являясь лишь тактичным «модератором» беседы, способствуя тому, чтобы каждый из присутствующих мужчин смог выразить себя в новом рационально-критическом дискурсивном поле.

«Второстепенная» же роль женщин в парижских салонах способствовала возникновению гипотезы о том, что фактическое руководство в салоне отводилось значимой в общественном пространстве личности мужского пола: так, салоны мадам Тансен и мадам Жофрен «на самом деле» руководились Фонтелем, а салон мадам Дюдеффан – президентом Эно и Д'Аламбером до того, как он перешел в салон к Жюли де Леспинас [Goodman, 1989, 343]. Возможно, такая гипотеза имела под собой основание, так как в XIX в. распространение получают салоны, все чаще ассоциирующиеся именно с мужчиной или как с хозяином дома, или как его частым посетителем [Kale, 2002, 135].

Заключение

В частном пространстве, аккумулируемом женщинами, по крайней мере во Франции (английские кофейни как прообраз публичного пространства были по составу мужскими), зародилась новая форма мужской идентичности, выражаемая через дискурсивные практики и оттеснившая на второй план визуальную репрезентацию придворного общества Старого порядка, которая по-прежнему осталась привязанной к женщинам как основному каналу их самовыражения, подтверждая мысль Г. Зиммеля о том, что «мода представляла собой для женщин компенсацию их профессионального положения».

Библиография

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. 304 с.
2. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
3. Мань Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII. СПб.: Евразия, 2002. 288 с.
4. Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. 440 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Письма к д'Аламберу о зрелищах // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. М., 1981. Т. 1.
6. Успенская В.И. Женские салоны в Европе XVII-XVIII веков // Женщины. История. Общество. Тверь, 2002. Вып. 2. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/uspenskaya-zhenskie-salony.htm>
7. Eger E. Bluestockings: women of reason from Enlightenment to Romanticism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 256 p.
8. Goodman D. Enlightenment salons: the convergence of female and philosophic ambitions // Eighteenth-century studies. 1989. Vol. 22. No. 3. P. 329-350.
9. Goodman D. Public sphere and private life: toward a synthesis of current historiographical approaches to the old regime // History and theory. 1992. Vol. 31. No. 1. P. 1-20.
10. Habermas J. The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: MIT Press, 1989. 301 p.
11. Kale S.D. Women, the public sphere, and the persistence of salons // French historical studies. 2002. Vol. 25. No. 1. P. 115-148.

The salon as a space for formation of “new” public sphere in 18th-century France

Mariya V. Gur'yanova

Postgraduate,
Department of the history and theory of world culture,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Mariya_Gur'yanova@mail.ru

Abstract

The article aims to reconsider the French salon as a means of forming new publicity of bourgeois society, which replaced the aristocratic ethos of the court society. The salon is viewed as a cultural phenomenon, where a vestimentary representation as the main "foreground" in the society of the Old Regime is replaced by new tools of identifying an individual in the public space. The latter are manifested in the practices of language, which are perfected within the salon, which is developing from the space of pleasant pastime, alternative to the court, to the field of critical rationality, opposed to and independent from the court. Due to the fact that the salon initially acted as an alternative to the court, it existed as a form of leisure associated with the private sphere, which, on the one hand, determined the fact that the first salons were run mainly by women who were associated with the private sphere. On the other hand, the "private" space of the salon fostered the development of means of identifying an individual, different from those existing within the framework of public representation of the court. Thus, language skills, perfected in the salon, as a new form of social manifestation of individuality, become one of the main means of identification of an individual in bourgeois society.

For citation

Gur'yanova M.V. (2018) O salone kak prostranstve stanovleniya «novoi» publichnoi sfery vo Frantsii XVIII veka [The salon as a space for formation of “new” public sphere in 18th-century France]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (4A), pp. 33-38.

Keywords

Salon, public sphere, private sphere, identity, bourgeoisie.

References

1. Eger E. (2010) *Bluestockings: women of reason from Enlightenment to Romanticism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
2. Goffman E. (1959) *The presentation of self in everyday life*. Garden City: Doubleday. (Russ. ed.: Goffman E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Moscow: KANON-Press-Ts Publ.)
3. Goodman D. (1989) Enlightenment salons: the convergence of female and philosophic ambitions. *Eighteenth-century studies*, 22 (3), pp. 329-350.
4. Goodman D. (1992) Public sphere and private life: toward a synthesis of current historiographical approaches to the old regime. *History and theory*, 31 (1), pp. 1-20.
5. Habermas J. (1989) *The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge: MIT Press.
6. Kale S.D. (2002) Women, the public sphere, and the persistence of salons. *French historical studies*, 25 (1), pp. 115-148.

-
7. Magne É. (1964) *La vie quotidienne au temps de Louis XIII*. Hachette. (Russ. ed.: Magne É. (2002) *Povsednevnyaya zhizn' v epokhu Lyudovika XIII*. St. Petersburg: Evraziya Publ.)
 8. Neklyudova M.S. (2008) *Iskusstvo chastnoi zhizni: vek Lyudovika XIV* [The art of private life: the age of Louis XIV]. Moscow: OGI Publ.
 9. Rousseau J.-J. (1896) *Lettre à d'Alembert sur les spectacles*. Paris: Hachette. (Russ. ed.: Rousseau J.-J. (1981) *Pis'ma k d'Alambergu o zrelishchakh*. In: Rousseau J.-J. *Izbrannye sochineniya* [Selected works], Vol. 1. Moscow.)
 10. Simmel G. (1996) *Izbrannoe. T. 2. Sozertsanie zhizni* [Selected works, Vol. 2: The contemplation of life]. Moscow: Yurist Publ.
 11. Uspenskaya V.I. (2002) *Zhenskie salony v Evrope XVII-XVIII vekov* [Women's salons in Europe in the 17th – 18th centuries]. In: *Zhenshchiny. Istoriya. Obshchestvo* [Women. History. Society], Vol. 2. Tver. Available at: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/uspenskaya-zhenskie-salony.htm> [Accessed 21/07/18].